

С того момента, как я дал согласие Чжану Хайкэ до отъезда прошло всего два дня, события которых не заслуживают отдельного описания. Вчетвером мы ушли в горы и через пару недель добрались до Кама и оказались на берегу ледникового озера.

Пейзаж здесь действительно великолепный: заснеженные горы на фоне голубого неба с редкими плывущими белыми облаками. Но у меня не было сил любоваться красотами природы. К тому же, когда мы шли к берегу, Толстяк и немец, отправившийся с нами, взялись перезаряжать оружие, а звуки щелкающих затворов не располагали к релаксу.

Нас было четверо: Толстяк, я, Чжан Хайсин и немец-коротышка, напоминавший мне бывшего спецназовца. Он хорошо говорил по-китайски, сразу представился, сказал, что его зовут Фон (Von), но по-китайски его имя звучит Фэн. Из всех немцев в храме выбрали именно его из-за требований Толстяка, который наотрез отказывался идти с двухметровыми верзилами. Он заявил, что, не приведи господь, с ним что случится. И как такого потом тащить. Разве что пополам разрезать, все равно уже раненый.

Когда немец представился, я тут же обозвал его Фэньдуюем, Могильным Холмиком, прозвище Толстяка оказалось еще хуже — Дафэнь, Большая Какашка. И только Чжан Хайсин осталась самой культурной из нас, ограничившись просто Фэном. (прим. забавная игра слов, у кого что болит. Толстяк и У Се сразу обыграли звучание имени немца, Фэн - Фэньдуй, Дафэнь, 达芬, 达芬, 达芬. Кстати, имечко у немца странное. В оригинале так и написано, что зовут его Von. Но по-немецки это слово не существительное, а предлог. В именах оно употребляется в значении "из/из рода", например, Бернхард фон Резен - Берхард из рода Резенов.)

Оказалось, немцы — народ не разговорчивый. Правда, этот, в отличие от большинства европейцев, хорошо адаптировался к экстремальным условиям и быстро соображал, но по дороге не о чем было болтать.

Впрочем, нам с Толстяком и самим было не до разговоров. Горные тропы зимой труднопроходимые.

На подходе к озеру, примерно в трех километрах от берега Толстяк и немец, не сговариваясь, занялись оружием. Все стволы разобрали, смазали, собрали обратно, перебрали пули и зарядили оружие под завязку.

Мы все помнили дневник Молчуна, где упоминались опасности, скрывающиеся под снегом на берегу. Они оба понимали, что надо быть бдительными и осторожными.

Но, добравшись до берега, мы не увидели ничего, что предвещало бы опасность. Правда, на берегу былдохлый олень, вмерзший в лед. Его кто-то обглодал до самых костей, относительно целой оставалась лишь голова.

Это было немного странно. По дороге сюда ни разу нам не встречались олени.

Толстяк, подняв ружье, огляделся и сказал: "Кого-то решили покормить. Смотрите, в голове следы от пули. Наверно, убили его у подножья гор, а сюда притащили тушу кому-то на корм".

"Кто может так обглодать тушу?" — спросила Чжан Хайсин Фэна.

"Только не говори, что это был медведь!"

"Медведь не будет так аккуратен со своей едой. У этого существа высокий интеллект, — ответил Фэн и, постучав по льду, в который вмерз олень, продолжил. — На костях не осталось

следов от зубов, я не могу сказать, что это за зверь".

"Ты такой умный, что по следам зубов на костях смог бы определить хищника?" — удивился Толстяк.

"У Фэна ученая степень по зоологии, — ответила Чжан Хайсин. — Он доцент". (прим. доцент - не ученая степень, а должность. Но доценты все имеют ученую степень.)

"Я тоже могу получить ученую степень, — пробурчал Толстяк. — Господин Толстяк легко может найти юнцюань и цзусаньли. (прим. основные акупунктурные точки) Он помощник профессора, а я помощник собственным рукам и ногам". (прим. здесь игра слов. Доцент или, дословно, помощник профессора по-китайски 助教, фучзяшоу, произносится с восходящим тоном. Толстяк обыгрывает это звание, используя омофонию 脚脚, тоже фучзяшоу, но оба последних тона нисходяще-восходящие, и значение другое — 脚, цзяшоу - идиоматическое выражение, означающее умение пользоваться руками и ногами с тайными целями, часто употребляется буквально, но в этом случае ноги и руки воспринимаются, как опора человека.)

"Не смеши, ладно?" Чжан Хайсин больше не удивлялась шуткам Толстяка. Закурив, она достала стрелы с арбалетом, закрепила их на ремне. Заметив мой удивленный взгляд, она объяснила: "Терпеть не могу громкие звуки. Эта штука стреляет беззвучно".

"А перезаряжается быстро?"

"Если врагов будет много, я их оставлю вам. А для одной цели мне двух стрел не понадобится".

"Эй! Полагаю, только господину Толстяку позволено судить о таких вещах. Ты, вонючка старая, знаешь ли о том, что господин Толстяк играл с настоящим пистолетом, еще когда штаны на завязках носил. Ты не уважаешь старших, это нехорошо..."

Бурная речь Толстяка оборвалась на полуслове, потому что он заметил темную тень, проплывающую подо льдом. Сейчас она двигалась как раз под нашими ногами.

Тень была огромной, плыла медленно и напоминала скорее гигантское насекомое, чем рыбу. Мы с Толстяком сразу ее заметили, Чжан Хайсин и Фэн увидели чуть позже. Мы все замерли, боясь пошевелиться.

Лед на озере был очень толстым, и деталей под ним не рассмотреть, только нечеткий силуэт.

Целых три минуты эта огромная штука скользила под нашими ногами совершенно бесшумно. Если бы мы не посмотрели вниз, то никак не ощутили бы ее присутствия. У Фэна первого сдали нервы, и он направил ствол ружья в лед у себя под ногами.

Толстяк в мгновение ока оказался рядом и заблокировал пальцем курок. Фэн уже спускал его, Толстяк опередил немца всего лишь на долю секунды.

Фэна безостановочно трясло, но, видимо, он был в шоке от испуга и больше никаких безрассудных действий не предпринимал. Толстяк не двигался с места, следя за каждым движением подо льдом, пока неведомая тварь не уплыла подальше.

Мы молча посмотрели друг на друга. Толстяк отобрал ружье у Фэна и закинул его себе за спину.

Фэн удивленно взглянул на него, и Толстяк ответил: "Простите, товарищ Большая Какашка, но

вам лучше не брать в руки оружие".

Чжан Хайсин недовольно покосилась на Толстяка: "Не ты здесь главный".

"У нас под ногами лед. Выстрели он, наши трупы уже замерзали бы в воде. А если повезло выбраться, мне пришлось бы раздеть тебя и растирать снегом, чтобы спасти твою жизнь, — ответил Толстяк. — Взгляни на его состояние, трясется, как осиновый лист. Его стволу у Толстяка будет спокойнее".

Чжан Хайсин все еще сверлила сердитым взглядом Толстяка: "Даже если твое решение правильное, принять и озвучить его должна я".

Толстяк посмотрел на меня, потом снова на Хайсин, чувствуя, что ничего не понимает. Я тоже был немного удивлен. Всю дорогу Чжан Хайсин была спокойна, казалась мудрой и здравомыслящей взрослой женщиной. И вдруг оказывается, что ее больше всего волнует, кто у нас главный.

Некоторое время они так и таращились друг на друга, потом Толстяк со вздохом бросил ей ружье: "Что ж, господина Толстяка учили уважать старость".

Чжан Хайсин, забрав ружье, отправилась приводить в чувство Фэна, а Толстяк скорчил такую рожу, словно собрался в обморок падать.

Фэн был очень бледен, не спорил с Хайсин и не сопротивлялся ей.

"Пока кто-то из нас не сдохнет, эта чертова баба не поймет, что не важно, кто из нас главный". Недовольно ворча, Толстяк убрал свое ружье в рюкзак.

"В чем дело? Чего ты такой злой?"

"Просто так злюсь. Для храбрости. Ты же видел размеры этой хреновины в воде. Думаю, пули ей сильно не навредят".

Логично. Правда, меня немного успокаивала толщина льда под нашими ногами. Вообще я в принципе не носил с собой огнестрельное оружие, считая, что мне оно не нужно, если рядом надежные люди. Но глядя на трясущегося бледного Фэна, я понял, что на него точно положиться нельзя.

Толстяк бросил мне нож, и я убрал его за пояс, чтобы при случае быстро достать. Подошла Чжан Хайсин и сказала: "Нам надо пересечь озеро как можно скорее, шевелитесь".

"Хорошо, — ответил Толстяк. — Хозяйка, ты главная, значит, идешь первой".

Я злобно уставился на него. Нас четверых итак друзьями нельзя считать ни при каком раскладе, зачем еще разжигать?

"Пойдем по прямой, вон к тому горному перевалу впереди. Шагайте как можно быстрее, но будьте осторожны". Чжан Хайсин указала рукой направление.

Мы с Толстяком прикинули расстояние. Мне это уже совсем не нравилось, а Толстяк озвучил мои сомнения: "Я что-то не понял твою логику. Мы премяся через центр озера, над самым глубоким местом. Если там что случится, у нас даже шанса не будет добраться до берега".

"В клане Чжан есть одно правило: если что-то кажется очень опасным, оно на самом деле

самое безопасное. Ты судишь поверхностно". Чжан Хайсин покосилась на Фэна, который еле двигался, и продолжила: "Эта тварь в воде, скорее всего необычная рыба. Да, большая, отъелась за долгие годы, вероятно, ее подкармливали люди. А люди не будут кормить такую рыбу в центре озера. Они оставляют еду для нее на берегу. Значит, именно в центре озера безопаснее всего".

Она внимательно посмотрела на Толстяка, он перевел взгляд на меня, ожидая моего ответа. А я понятия не имею, что ответить, своего собственного мнения у меня не было.

Мы так и стояли молча, пока Хайсин не спросила: "А что, у вас другие идеи есть?"

"Не нравится мне все это", — ответил я.

"Точно. А когда ему что-то не нравится, то лучше туда не ходить, — объяснил Толстяк. — Товарищ Наивняшка известен своей интуицией. Если он не хочет открывать гроб, то там всегда обнаруживается неправильный покойник".

"Ты что, специально мне палки в колеса вставляешь, да?"

"Девушка, ты вообще когда-нибудь в своей жизни бывала в подобном месте?" Я в упор посмотрел на нее. Гонконгская семья Чжан, конечно, была опытной в плане бизнеса и управления. Но, кажется, они утратили осторожность, присущую старому клану Чжан, которую сумел перенять Молчун.

"Я видела куда больше опасностей, чем вы оба, вместе взятые".

"О! Значит, ты признаешь, что очень старая?" — влез в наш разговор Толстяк.

Чжан Хайсин чуть не позеленела от злости: "Естественно. Ты же в курсе, почему клан Чжан все еще существует. Правила и законы нашего клана направлены на одно — выживание. Вам не стоит недооценивать мудрость, накопленную поколениями клана Чжан".

Я вздохнул и посмотрел на озеро. С одной стороны мне хотелось последовать за ней, но сердце неприятно ныло, плохое предчувствие было слишком очевидным. Наконец, я ответил: "В прошлом я всегда восхищался такого рода мудростью и всегда следовал ей. Но позже я больше стал доверять самому себе. Если говорить о нынешней ситуации, ты не учла один факт: у нас троих нет способностей клана Чжан. Ты никогда не думала, что основа мудрости вашего клана — годы особых тренировок. А мы для своего выживания можем использовать только воровские хитрости и простенькие трюки. С твоей стороны несправедливо переоценивать наши способности".

Толстяк закурил. Чжан Хайсин все еще напряженно молчала, ее лицо стало бордовым, и он ласково сказал ей: "Почтенная наставница, я знаю, что вы раньше командовали способными и сильными людьми. А мы, два идиота, слишком слабы. Давайте сделаем так. Вы и ваш доцент пойдете через озеро, а мы вдвоем пройдем по горе вокруг".

"Я думаю, что существо из озера способно передвигаться по суше, — заметила Чжан Хайсин. — Вспомни, что было написано в дневнике".

Толстяк похлопал по стволу, торчащему из рюкзака: "На суше не так страшно".

На том и порешили. Чжан Хайсин и Фэн направились к центру озера, а мы с Толстяком пошли в обход.

Когда мы отошли на приличное расстояние, Толстяк заявил: "Блин, ты видел эту засранку? Она себя вообразила Ньювой и решила, что может указывать Толстяку, куда ему идти? Размечталась!"

"Ее клан был сильным многие столетия, это не могло не сказаться на характере", — ответил я.

Из того, что я знаю о клане Чжан, они действительно невероятны. Их презрение к врагам и высокое самомнение вполне оправданы. Столкнувшись с ними несколько лет назад, я бы дар речи терял от каждого их слова и действия. Но за эти годы я сильно изменился. Раньше меня легко было впечатлить, но сейчас даже в самых невероятных вещах я умею находить изъяны.

Зарядив ружья, мы смотрели, как Чжан Хайсин и немец осторожно бредут по льду. "Не поступили ли мы с тобой слишком безответственно по отношению к ним?" — задумался я.

"Они слишком упрямы, ты не можешь нести ответственность за тех, кто тебя не слушает, — ответил Толстяк. — Знаешь, я давно понял, что люди вообще ни за что не могут нести ответственность, ведь они — не боги".

Наш путь в обход был намного длиннее и сложнее. Но мы оба не сетовали на судьбу, утопая по колено в снегу, даже когда, бросая мельком взгляд на озеро, замечали, что эти двое давно уже нас обогнали.

Сложно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как мы разошлись. Они были уже почти на месте, а у нас впереди чуть меньше половины пути. Толстяк, косясь в их сторону, пробормотал: "Вот же вонючая баба! Чтоб ее приподняло и не опустило!"

"Хорош бухтеть, — отозвался я. — Ты ведь на самом деле не желаешь им смерти. У нас двоих проблем не будет, только пока в безопасности все четверо".

Толстяк отмахнулся: "Я ж не хочу, чтобы ее чудо-рыба сожрала. А так, мелкую пакость какую-нибудь, типа, старая лошара ногу подвернет или что-то в этом роде".

Мечтать не вредно. Чжан Хайсин хорошо подготовлена физически, отлично держит равновесие на льду, мы бы уже раз сто поскользнулись. Заметно, что ей тоже трудно идти, но она ни разу даже не пошатнулась. Кажется, у нее еще и обувь отличная.

Пройдя еще немного вперед, мы убедились, что в центре озера не было никакой опасности. Понимая, что Чжан Хайсин с Фэном определенно нас опередили, Толстяк даже немного расстроился. И в этот момент, взглянув в их сторону, я понял, что у них какие-то проблемы.

<http://tl.rulate.ru/book/89763/3464924>